
Анархисты о политической деятельности В.И. Ленина в эпоху Великой российской революции

Дмитрий Рублев

The anarchists on the political activities of V.I. Lenin in the era of the Great Russian revolution

Dmitry Rublev

(Lomonosov Moscow State University, Russia)

DOI: 10.31857/S086956870009255-1

Формирование образа Ленина в мировом общественном сознании оказалось в значительной мере связано с деятельностью представителей различных течений политической эмиграции России, с 1920-х гг. активно обсуждавших различные аспекты Великой российской революции на страницах эмигрантской печати. Особую роль в распространении критической информации об общественно-политической деятельности Ленина сыграли деятели левого демократического крыла эмиграции, прежде всего меньшевики и эсеры. Но довольно значительное историко-публицистическое наследие оставили анархисты П.А. Аршинов, В.М. Волин, Г.В. Горелик, Г.П. Максимов, Н.И. Махно и И.М. Лазаревич. В своих книгах и статьях они представили анархистскую версию истории российской революции, раскрыв связь действовавших в её рамках социальных движений и институтов самоуправления с либертарной исторической перспективой¹. В частности, русским анархистам-эмигрантам принадлежит решающая роль в пропаганде на международной арене махновщины и Кронштадтского восстания 1921 г. Одной из центральных в их трудах стала тема осмысления исторической роли Ленина как одного из лидеров революции, сумевших понять её логику и сыгравших определяющую роль в развитии процессов радикальной трансформации общества. Между тем данная проблема до сих пор не отражена в трудах российских и зарубежных историков, исследователей общественно-политической мысли России и Русского зарубежья первой половины XX в.

Для анархистской публицистики фигура Ленина далеко не сразу стала центральной. В 1903—1914 гг. ведущий идеолог и лидер большевистской фракции РСДРП рассматривался ими лишь как один из социал-демократических публицистов. Ситуация изменилась в годы Первой мировой войны. Раскол на оборонческие течения и интернационалистское крыло международного анархистского движения заставил анархистов обратить внимание на идеологов

© 2020 г. Д.И. Рублев

¹ См.: *Аршинов П.А.* История махновского движения (1918—1921). Запорожье, 1995; *Волин В.М.* Неизвестная революция 1917—1921. М., 2005; *Волин В., Горелик А., Комов А.* Гонения на анархизм в Советской России. Берлин, 1922; *Горелик А.* Анархисты в Российской революции. Буэнос-Айрес, 1922; *Махно Н.И.* Воспоминания. М., 2018; *Maximoff G.P.* The Guillotine at work. Vol. 1. Somerville, 1979; *Mett I.* [Лазаревич И.М.]. The Kronstadt Uprising. L., 2019.

социал-демократии, выступавших с революционных антивоенных позиций. Одним из них был Ленин².

События 1917 г., неизменной чертой которых стала радикализация настроений рабочих, крестьян, рядовых военнослужащих армии и флота, выдвинули Ленина на роль лидера и выразителя идей леворадикального политического лагеря, в котором анархисты играли заметную роль. В этой ситуации труды Владимира Ильича, и в частности книга «Государство и революция» были своеобразно истолкованы анархистами. Весьма характерный для их представлений ноября 1917 г. взгляд на Ленина как на не догматически мыслящего радикального революционера, постепенно эволюционировавшего к анархистским идеям, дал В.Л. Гордин: «Большевики, как Ленин, никогда не были людьми марксистской догмы, а людьми жизни... революции. Эти люди не доктринёры, фанатики, как их клеймят все эти мещанские социалисты, они люди действий и решительных, насколько только социалист может быть решительным... Большевик ленинский, в сущности, есть только скверный бессистемный и меньшевистский анархист... Сам Ленин, по нашему выражению, есть лишь, так сказать, анархист-государственник, ещё не окончательно освободившийся от марксистской фразеологии»³.

Впрочем, доверие к лидеру большевиков не было безграничным. Один из основателей Петроградского союза анархо-синдикалистской пропаганды Л.И. Фишелев, проанализировав брошюру Ленина «К лозунгам», обвинил её автора в стремлении установить диктатуру РСДРП(б): «Выдвигание в России лозунга захвата власти пролетариатом, т.е. относительно незначительным меньшинством населения... нельзя не считать показателем обратного поворота большевиков к бланкизму... Единственным вершителем политических судеб страны должен, таким образом, по новейшему плану В. Ленина, стать сравнительно малочисленный пролетариат. Тут мы, таким образом, имеем дело с установлением диктатуры меньшинства населения, что логически ведёт за собой диктатуру той политической партии, которая руководит этим меньшинством»⁴.

Как быстрый рост влияния РСДРП(б) к осени 1917 г., так и противоречия в политической доктрине Ленина вызвали недоверие анархистов, рассматривавших его как стремившегося к захвату власти амбициозного политика, склонного к личной, проводившейся жестокими методами диктатуре. Так, Волин утверждал, что большевики и Ленин «старательно маскируют» анархистской радикальной фразеологией «своё подлинное, партийно-властное лицо», оставаясь «централистами, властниками и политиканами»⁵. В.Л. Гордин, доброжелательно настроенный к большевикам, писал, что их вождь, без сомнения, «также быстро превратился бы в безответственного диктатора, как Керенский; ибо чем первый лучше последнего? Разве последний ещё так недавно не медоточил на всех митингах, обещая никогда не употреблять силу против народа, если даже это понадобится?.. Нам кажется, что Ленин такого обещания даже не

---

² *Рабочий Альфа [Гиттерман А.М.]*. Письмо из Швейцарии. Против течения // *Голос труда*. 1914. № 16. 18 декабря. С. 2.

³ *Бр. Гордины [Гордин В.Л.]*. К объединению! // *Буревестник*. 1917. № 1. 11 ноября. С. 1.

⁴ *Раевский М. [Фишелев Л.И.]*. Новый лозунг большевиков // *Голос труда*. 1917. № 2. 18(31) августа. С. 1.

⁵ *Волин В.М.* Большевизм и анархизм // *Голос труда*. 1917. № 10. 13(26) октября. С. 3.

даст... не то, что исполнит»⁶. Но осенью 1917 г. В. Гордин признал необходимость диктатуры большевиков, рассматривая её как «меньшее зло» при угрозе возрождения «корниловщины»⁷.

Захват большевиками власти в результате Октябрьского переворота и последовавшие затем события, связанные с формированием нового государственного аппарата и постепенной централизацией власти, подтвердили оценки скептиков. А.Л. Гордин в одной из статей указывал на Ленина как на постепенно развращавшегося под воздействием власти революционера⁸. Один из лидеров Петроградской федерации анархистских групп И.С. Блейхман в марте 1918 г. назвал Ленина и Троцкого «эти Тьеры современности». В данном случае он провёл аналогии с политикой французского правительства А. Тьера, заключившего мир с Германией для подавления Парижской коммуны 1871 г.⁹ Оценки Ленина как близкого анархизму марксиста были подвергнуты критике. В середине января 1918 г. на страницах газеты «Голос труда» Волин отметил: «Гражданин Ленин — совсем не анархист»¹⁰, он отказался от парламентаризма и лозунга Учредительного собрания, поскольку «Революция породила Советы»¹¹ — новую претендовавшую на власть форму организации трудящихся. Именно в таком качестве формы их самоорганизации (Советы, фабрично-заводские комитеты и иные) интересовали лидера большевиков. Тем не менее Ленин постепенно отказался от лозунга всевластия Советов и полуанархистской фразеологии в пользу диктатуры собственной партии и укрепления государственности. Эта тенденция, полагал Волин, рано или поздно должна была возобладать в политике большевиков: «О, конечно, всё более и более сознательные анархические тенденции масс смущают его. С прежнего пути массы уже свели гражданина Ленина. Он уступает, он сдаётся, он оставляет “государство”, “власть”, “диктатуру” лишь на час, на минутку, на “переходный момент”... А потом... потом — анархизм, почти анархизм... “советский” анархизм, “ленинский” анархизм... Но Бог мой! Разве вы не предвидите, граждане социалисты, что скажет гражданин Ленин, когда нынешняя власть укрепится и, возможно, станет не прислушиваться более к голосу масс? Он вернётся тогда на свой привычный, проторенный путь. Он создаст самое подлинное “марксистское государство”. И он в торжественный час окончательной победы скажет: “Вы видите, господа? Я опять — совсем марксист”»¹².

Эти выводы в дальнейшем получили развитие среди анархистов по мере установления однопартийной политической системы в стране. Так, часть из них протестовала против казни Ф. Каплан, сочтя и этот шаг проявлением диктаторской сущности Ильича. «Вряд ли можно считать достигающей своей цели кровавую месть большевиков... Если бы Ленин смог возвыситься до того, чтобы не расстрелять Каплан, это вызвало бы огромное одобрение его дей-

⁶ *Братья Гордины [Гордин В.Л.]*. Ничего не забыли и ничему не научились // Анархист. 1917. № 11. 22 октября. С. 2.

⁷ *Бр. Гордин [Гордин В.Л.]*. О моменте. Борьба диктатур // Свободная коммуна. Орган Петроградских и кронштадтских анархистов-коммунистов. 1917. № 1. 17(30 сентября). С. 1.

⁸ *Бр. Гордин [Гордин А.Л.]*. Передышка // Анархия. 1918. № 21. 19 марта. С. 1.

⁹ *Евг. Чернознаменский [Чернов Е.]*. Общее собрание федерации // Буревестник. 1918. № 36(76). 2(17) марта. С. 1.

¹⁰ *Волин (Эйхенбаум В.М.)*. Революция и анархизм. Сборник статей. Б.м., 1919. С. 93.

¹¹ Там же. С. 94.

¹² Там же.

ствий не только у друзей его, но и у врагов его», — писал анархо-синдикалист Н.И. Доленко¹³. В то же время он сравнивал Ленина с В.К. Плеве — министром внутренних дел императора Николая II, которого председатель СНК превзошёл по масштабам своей власти. Доленко сопоставил Каплан с эсером Е.С. Созоновым, убившим Плеве¹⁴: «Пострадавший — председатель Совета народных комиссаров Ленин обладает фактически такими же диктаторскими полномочиями, и даже больше, чем фон-Плеве. Ввиду всего этого казалось бы естественным, что мы должны были бы также глубоко возмущаться покушением на Ленина, как в своё время горячо приветствовали убийство фон-Плеве. Но нет в нашей душе ни чувства возмущения, ни чувства негодования. Более того, с некоторой долей недоверия читаем мы многие из бесконечного ряда горячо составленных соболезнующих телеграмм, относя появление их на счёт партийной дисциплины и знаменитого бюрократического этикета... Чёрная контрреволюция хотела убить Ленина, как душу большевизма, как гениального представителя и вдохновителя коммунизма. Что же дал большевизм нашей революции? Выполнила ли диктатура пролетариата намеченные ею задания по введению социализма в России? Нет, не выполнила и не выполняет, не могла выполнить и не хочет выполнить»¹⁵.

В то же время позиция «советских анархистов» характеризовалась отношением к Ленину как к прогрессивному политическому деятелю, проводившему социальные преобразования в интересах рабочих и крестьянства. Политический курс РКП(б) рассматривался в качестве шага на пути к безгосударственным коммунистическим отношениям. Наиболее яркой фигурой среди «советских анархистов» был организатор и лидер Всероссийской федерации анархистов-коммунистов (ВФАК), известный публицист А.А. Карелин. В посвящённой покушению на Ленина резолюции секретариата ВФАК и группы «Вольная община» утверждалось: «Деятельность т. В.И. Ленина характеризуется разрушением старых форм государственной власти и уничтожением устоев буржуазного могущества, следовательно, является деятельностью революционной»¹⁶.

Эта двойственность анархистов в оценках лидера большевиков как политического деятеля сохранялась на всём протяжении Великой российской революции и Гражданской войны. Ленин, поправший идеалы Октября 1917 г. в пользу установления личной диктатуры и всевластия собственной партии, противостоял образу выступавшего против контрреволюционных тенденций вождя революции и инициатора прогрессивных социалистических преобразований. Однако замечу, что оценки этой личности в большей мере были связаны со злобой дня и эволюцией политического курса правящей партии. Несколько иная ситуация сложилась в 1920-х гг.: в эмиграции (на территории Аргентины, Германии, Франции и США) оказалась значительная часть анархистов. Они действовали в более свободных условиях, позволявших при поддержке зарубежных анархистских и анархо-синдикалистских организаций развернуть в этих странах издательскую деятельность.

¹³ Ильич [Доленко Н.И.]. Вести с революционного фронта // Вольный голос труда. 1918. № 3. 9 сентября. С. 2.

¹⁴ Ли-зин [Доленко Н.И.]. Покушение на большевизм // Вольный голос труда. 1918. № 4. 16 сентября. С. 2.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Резолюция ВФАК // Анархист. 1918. № 1. 20 сентября. С. 4.

Горелик в книге «Анархисты в российской революции» проанализировал ведущие факторы победы большевиков, связывая их с тем обстоятельством, что Ленин взял на вооружение анархистские лозунги, позволившие его партии завоевать влияние среди широких слоёв фактически анархистски настроенных рабочих и крестьян. «Насколько сильно было влияние анархистов в массах трудящихся до октября, — писал автор, — можно судить по тому, что большевики во главе с ультра-марксистом Лениным вынуждены были выбросить большую часть своего марксистского и даже ленинского багажа за борт и заговорить о “бакунизме”, о федерализме, об отрицании государственной власти, о свободной инициативе, самодеятельности масс, о власти на местах, даже об анархизме»¹⁷.

Аршинов, один из идеологов махновского движения, в книге, посвящённой его истории, дал социально-психологическую характеристику Ленину, рассуждая о социально-классовой и моральной сущности большевизма. По мнению автора, их лидер являлся выразителем «определённого психологического типа людей» — многочисленной группы политических деятелей, «цепких, властных, чуждых какой бы то ни было общественной и моральной сентиментальщины и не останавливающихся ни перед какими средствами в борьбе за своё торжество»¹⁸. Для Ленина, по мнению идеолога махновщины, был весьма характерен авторитарный тип личности, распространённый среди представителей правящих классов с самых древних времён, а фактически вытекавший из менталитета российского дворянства: «Утверждение своей воли путём насильственного устранения воли всех остальных, абсолютное подавление личности, низведение её до неодушевлённого предмета. В этих чертах нетрудно узнать древнюю господскую породу людей»¹⁹.

В связи со смертью Ленина определённое внимание к нему, в рамках официальной кампании, проявили и оставшиеся в СССР «советские анархисты». Они были допущены к участию в данной кампании с ведома высшего партийного руководства, о чём свидетельствуют как официальные публикации на страницах местной прессы, так и хранящиеся в РГАСПИ документы Комиссии ЦИК СССР по организации похорон и увековечению памяти вождя.

22 января 1924 г. вышло обращение секретарей и активистов ВФАК, подписанное А.А. Карелиным, Г.И. Аносовым, А.А. Солоновичем, Н.К. Богомоловым, И. Григорьевым и В. Ивановым-Филипповым. Они сожалели «по поводу смерти великого революционера» и «стойкого борца за освобождение трудящихся». Были оценены заслуги Ленина в «переходе земли работающему на ней люду» и в преодолении «национального гнёта», а также в строительстве коммунистических отношений²⁰. Документ опубликовали в полном объёме, что немедленно вызвало возмущение анархистской эмиграции. Были изданы несколько осуждавших авторов этого документа заявлений и статей²¹. В ответ

¹⁷ Горелик А. Анархисты в Российской революции. Буэнос-Айрес, 1922. С. 12.

¹⁸ Аршинов П.А. История махновского движения... С. 67—68.

¹⁹ Там же. С. 68.

²⁰ РГАСПИ, ф. 16, оп. 1, д. 417, л. 2. См. официальный текст публикации: Голос анархистов-коммунистов // Известия ВЦИК. 1924. № 24(2059). 30 января. С. 6.

²¹ См.: М. Р-н. Добровольцы-плакальщики // Американские известия. 1924. № 116. 5 марта. С. 2; Группа русских анархистов в Германии. По поводу «слезницы» А. Карелина, А. Солоновича и других // Американские известия. 1924. № 131. 18 июня. С. 7; Ярчук Е.З. Письмо в редакцию // Американские известия. 1924. № 134. 9 июля. С. 3—4.

Солонович направил письмо в редакцию анархистской газеты «Американские известия», с одной стороны, намекая на вынужденный характер своих действий, с другой, — защищая Ленина от критики российских анархистов-эмигрантов и отстаивая его заслуги перед революцией. Далее Солонович допустил очевидное лукавство, утверждая, что едва ли не с 1918 г. лидер большевиков был болен и «не принимал действительного непосредственного участия в правлении и потому не может быть ответственным за то, что делалось от его имени впоследствии»²².

26 января было опубликовано заявление центрального и московского секретариатов анархистов-биокосмистов. Ими Ленин тоже оценивался как «величайший борец за угнетённых», символ «героической воли, которая в невероятно тяжёлой борьбе ведёт к победе и в жизни мира развёртывает новую эру». В соответствии со своей доктриной биокосмисты призвали бороться за освобождение человека от гнёта сил природы²³. Это заявление подверглось жёсткой цензуре в соответствии с официальной большевистской фразеологией (это отражено в хранящемся в РГАСПИ документе). В результате в нём, призвавшем к борьбе «против старого мира, против эксплуатации и закрепощения трудящихся»²⁴, Ленина объявили «символом героической воли пролетариата».

В конце января 1924 г. была подготовлена статья «советского анархиста» Г.Б. Сандомирского «Ленинизм и бакунизм», в которой развивались популярные ещё в 1917 г. представления о Ленине как о близком анархистам мыслителе. «Ленин бакунизировал Маркса», осуществив «синтез марксизма и бакунизма», — таков основной вывод Сандомирского. По его мнению, Ильич направлял революционный процесс в России, по М.А. Бакунину, в русло всенародного бунта. Конституции РСФСР 1918 г. Сандомирский приписывает «бакунинское презрение к государству», увязывая его с идейным влиянием Ленина²⁵. Статья была опубликована в «Известиях ВЦИК», за исключением абзаца, повествующего о том, как много внимания вождь большевиков уделял вопросу издания трудов Бакунина в России и высоко оценивал его как мыслителя²⁶.

Публицисты анархистской эмиграции по-своему отреагировали на смерть лидера РКП(б). По мнению автора одного из первых таких откликов, Ленин являлся «всесильным диктатором России», который боролся «за свою идею казарменного коммунизма»²⁷ и, будучи «великим истребителем русского народа», «перешеголял всех русских самодержцев», создав «такую деспотию, которой мог бы позавидовать любой татарский хан»²⁸.

Далее указывалось, что уже по своим личностным чертам, обусловленным культурно-историческим влиянием, Ленин был склонен к диктатуре: «В натуре этого человека было что-то татарское, азиатское, тираническое, что, несмотря на тонкий слой образованности и европеизма, было преобладающим и решающим фактором во всех его пробуждениях и стремлениях»²⁹. Как харак-

²² Солонович А.А. Письмо в редакцию // Американские известия. 1924. № 126. 14 мая. С. 6.

²³ РГАСПИ, ф. 16, оп. 1, д. 417, л. 4.

²⁴ Голос анархистов // Известия ВЦИК. 1924. № 22(2057). 27 января. С. 5.

²⁵ РГАСПИ, ф. 16, оп. 1, д. 417, л. 8—9.

²⁶ Сандомирский Г.Б. Ленинизм и бакунизм. Венок анархиста // Известия ВЦИК. 1924. № 2(2062). 2 февраля. С. 2.

²⁷ М. Р-н. Смерть Ленина // Американские известия. 1924. № 111. 30 января. С. 2.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

терную черту поведения Ленина автор называл нетерпимость, которая и стала основным фактором раскола РСДРП на большевиков и меньшевиков, и ещё до революции он уже стал «маленьким царьком и диктатором» в кругу единомышленников. «Общеизвестным, — писал тот же автор, является тот факт, что Ленин не терпел противоречий и уживался только с теми, кто безоговорочно признавал его авторитет, во всём разделял его точку зрения, поддакивал ему и слепо за ним следовал... Всегда он был охвачен желанием руководить другими, направлять и командовать ими, и малейшее несогласие и оппозиция его планам приводили его в бешенство и к самым диким полемическим выпадам против своих соратников по партии»³⁰. Создание последней, ориентированной на лидера и безропотно ему подчинявшейся, и стало основным фактором политической гибкости, которую проявили большевики: «С такой публикой после большевистского переворота можно было предпринимать какие угодно эксперименты и при помощи её и из неё лепить, как из воска, какие угодно политические системы»³¹.

В опубликованных в 1929—1937 гг. статьях и воспоминаниях Н.И. Махно Владимир Ильич был назван авторитарным лидером, а большевистская партия — «покорно шедшей на поводу у мудрого Ленина»³². В то же время представитель крестьян и лидер их движения Нестор Иванович рассматривал своего политического противника как политика, понимавшего и отражавшего на пути к власти интересы городских рабочих. Следуя близкой данной среде фразеологии, умело манипулируя её представителями, глава советского правительства и восстановил престиж государственной власти. «Другие говорили: без “дурака” не обойтись. (Причём под словом “дурак” они разумели всегда только власть)... В действительности мудрый Ленин правильно понимал город. Поставил на пост этого “дурачка” под флагом диктатуры пролетариата группу лиц, возомнивших о себе как о знающих эту роль, лиц, способных на что хотите, лишь бы быть на посту властелина и навязывать свою подчас мудрую волю другому человеку и целому роду человеческому. Мудрый Ленин сумел вознести роль “дурака” на необыкновенную высоту»³³, — писал Махно. Он достаточно высоко оценивал опыт Ленина как политического и государственного деятеля. Особенно ярко эта характеристика звучала при сравнении с лидерами левых эсеров, претензии которых на роль правителей России Нестор Иванович считал крайне неудачными: «У левых эсеров шансов на успех этого боя, по-моему, не было, потому что у них не было двух-трёх человек, людей, подготовленных, ну, скажем, на посты Ленина и Троцкого, заменить которых ни Спиридоновой, ни Камковым, ни тем более Штейнбергом, ни даже Устиновым, имевшим до некоторой степени ленинскую практику, в то время нельзя было»³⁴.

Значительный интерес представляют личные впечатления Махно о его встрече с Лениным в Москве летом 1918 г. В какой-то мере вождь крестьян оперировал их «патриархальными» образами. Так, Ленин разговаривал с ним «по-отцовски»³⁵. Махно называл его умелым организатором и руководителем, что проявилось в постановке вопросов, вынуждавшей гостя дать на них наи-

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² Махно Н.И. Азбука анархиста. М., 2005. С. 100.

³³ Там же. С. 103.

³⁴ Там же. С. 303—304.

³⁵ Там же. С. 317.

более подробные ответы³⁶. Влияние харизмы Ленина прослеживалось и в признании Нестора Ивановича: «Я лично почувствовал, что начинаю благоговеть перед Лениным, которого недавно убеждённо считал виновником разгрома анархических организаций в Москве»³⁷. При этом он писал, что лидер РКП(б) — пример циничного и лицемерного в своих действиях политика. Это проявилось, прежде всего, в использовании ложного обвинения анархистов в бандитизме, как одного из способов оправдания массовых репрессий. Вспоминая о разговоре с Лениным, Махно констатировал: «Большей неискренности и лицемерия, какие в данном случае проявил Ленин, особенно в отношении анархизма, трудно найти у кого-либо другого из политических дел мастеров. Большевицкая власть организовала уже в это время свои походы против анархизма со строго продуманным замыслом дискредитации анархистского движения в стране, где большевизм Ленина поставил крест над всякой свободой революционных организаций и где только анархизм был и оставался опасным для большевизма»³⁸.

Махно проиллюстрировал и тесно связанные с политической конъюнктурой взгляды лидера большевиков на анархизм и его представителей. Например, распространение их идей среди украинского крестьянства в 1918 г. Ленин воспринял положительно: «Это было бы отраднo, так как это ускорило бы победу коммунизма над капитализмом и его властью»³⁹. Дальнейшие его слова в передаче Махно, так или иначе, касались развернувшихся в середине 1920-х — начале 1930-х гг. среди российских анархистов-эмигрантов дискуссий о стратегии, тактике и принципах организации анархистского движения. Ленин критиковал анархистов за то, что они, «не имея серьёзной своей организации широкого масштаба, не могут организовывать пролетариат и беднейшее крестьянство и, следовательно, не могут подымать их на защиту, в широком смысле этого слова, того, что завоёвано всеми нами и всем нам дорого»⁴⁰.

Впрочем, в пересказе беседы Махно и Ленина очевидно и достаточно типичное для марксистов обвинение адептов анархизма в приверженности утопическому мировоззрению, поскольку почти все они «думают и пишут о будущем, не понимая настоящего: это и разделяет нас, коммунистов, с ними... Да, да, анархисты сильны мыслями о будущем, в настоящем же они беспочвенны, жалки исключительно потому, что они в силу своей бессодержательной фанатичности реально не имеют с этим будущим связи»⁴¹. В контексте разногласий в анархистской среде интересен подход Нестора Ивановича к изложению своей беседы с Владимиром Ильичом, одобрительно-подбадривающие слова которого, как будто, должны были легитимировать Махно в качестве будущего народного вождя: «Вас, товарищ, я считаю человеком реальности и кипучей злобы дня. Если бы таких анархистов-коммунистов была хотя бы одна треть в России, то мы, коммунисты, готовы были бы идти с ними на известные условия и совместно работать на пользу свободной организации производителей»⁴².

---

³⁶ Там же. С. 318.

³⁷ Там же. С. 321.

³⁸ Там же. С. 324—325; *Махно Н.И.* На чужбине. Записки и статья. 1923—1935. Париж, 2004. С. 105—106.

³⁹ *Махно Н.И.* Азбука анархиста. С. 318.

⁴⁰ Там же. С. 319.

⁴¹ Там же. С. 322.

⁴² Там же. С. 321.

Своеобразным итогом осмысления анархистами-эмигрантами социально-политической деятельности Ленина стали труды Волина и последнего крупного теоретика российского анархизма, анархо-синдикалиста Максимова. Книгу последнего «Гильотина за работой», написанную в конце 1930-х гг., издали в 1940 г. в США на английском языке⁴³. Её первый том «Ленинистская контрреволюция» был посвящён анализу генезиса теории и практики государственного террора, проводившегося Советским государством в отношении оппозиции, а также категорий населения и отдельных лиц, признанных опасными для политического курса большевиков. Григорий Петрович выводил принципы государственного террора из идей лидера РКП(б), который, по мнению автора, отвечал «за расстрелы, за террор, но он в такой же мере отвечает за все зверства, проявленные в терроре, за весь садизм, за все пытки во всех застенках... Ленин и только Ленин, как первосвященник секты, несёт ответственность за небывалое в истории принижение и обесценение личности, за абсолютное неуважение к жизни человека, за моральное разложение и вытравление у своих опричников всех нравственных устоев, без которых человек опускается ниже уровня дикого зверя»⁴⁴.

Также Максимов обосновал мысль о том, что Ленин является идейным отцом и организатором террора, проводившегося большевиками в советских республиках, возникших на месте бывшей Российской империи, а затем и в СССР⁴⁵. Сталин в вопросах поддержания диктатуры и террора против политических противников оценивался Максимовым как «верный ученик» Ленина⁴⁶.

Кроме того, автор продолжил развитие тем, ранее затронутых анархистскими критиками РКП(б). Так, он писал, что отказавшись от последовательно марксистской концепции, изложенной в «Манифесте Коммунистической партии», Ленин популяризировал федералистские и самоуправленческие идеи, изложенные в работе Маркса «Гражданская война во Франции»⁴⁷. По словам Максимова, сделано это было с целью обмана трудящихся, в то время настроенных в духе самоуправления, противоположного марксистским принципам централизма. «Ленин, требуя уничтожения армии, полиции и чиновничества, — писал автор, — внушал рабочим, крестьянам и солдатам, что Республика Советов есть Анархическая Федерация многих тысяч Коммун-Советов, разбросанных по необъятным пространствам России и что эта республика есть полная демократия, развёрнутая до логического предела — до безгосударственности»⁴⁸. Именно этот политический манёвр, писал Максимов, обеспечил большевикам победу, которую не принесло бы откровенное распространение этатистско-социалистической программы.

Развивая идеи своих предшественников, Максимов считал, что установление диктатуры (личной и партии большевиков) являлось изначальной целью действий лидера РКП(б) в 1917 г. «Ленин шёл к своей цели, — писал автор, — к проведению в жизнь программы Маркса—Энгельса, изложенной в “Коммунистическом Манифесте”: к так называемой “диктатуре пролетариата”, т.е. к диктатуре партии, к своей личной диктатуре, к централизации и к государ-

⁴³ *Maximoff G.P.* The Guillotine at work. Chicago, 1940.

⁴⁴ *Maximoff G.P.* The Guillotine at work. Vol. 1. P. 255.

⁴⁵ Там же. P. 30.

⁴⁶ Там же. P. 45.

⁴⁷ Там же. P. 21.

⁴⁸ Там же. P. 23.

ственной монополии во всех областях жизни»⁴⁹. Указывая на непосредственные цели этой политики, Григорий Петрович первым из российских анархистов применил термин «тоталитарный» по отношению к политической модели, установленной вождём большевиков в России: «Абсолютистское тоталитарное государство, правящее насильем и террором»⁵⁰.

По мнению автора, избранная Лениным политическая стратегия означала, «что нужно не противостоять народной стихии, а разжигать её и плыть вместе с ней, быть на гребне её волны, дать ей истощить себя естественным путём и тогда, улёгшись и успокоившись, она будет покорной и послушной в руках вознесённого ею к власти»⁵¹. Как пример идеологической манипуляции он рассмотрел написанные Лениным и принятые СНК после Октябрьского переворота декреты (1917—1918). Они «имели то же значение, что и дооктябрьская пропаганда, т.е. пропагандистское завоевание доверия масс и устранение всякого подозрения. Только с этой стороны Ленин расценивал декреты, не придавая им никакой другой цены и не связывая себя ими»⁵².

Максимов провёл параллели с другими тоталитарными режимами 1930-х гг., отождествляя с ними большевистскую диктатуру. Отстаиваемую Лениным общественно-экономическую модель, впервые отражённую в работе «Грозящая катастрофа и как нам с ней бороться» (сентябрь 1917 г.), Максимов охарактеризовал так: «Ещё в 1917 г., до переворота, Ленин, параллельно пропаганде идей Парижской коммуны, исходя из Коммунистического Манифеста и воззрений Маркса—Энгельса на централизацию и “рабочее” государство, проповедовал идеи, комплекс которых позднее стал известным под именем фашизма и тоталитарного корпоративного фашистского государства, которое строится Муссолини в Италии... Ленин по справедливости должен считаться первым теоретиком фашизма, несмотря на некоторые и весьма существенные расхождения современного фашизма с Лениным, например, в вопросе расовом, национальном и др.»⁵³. Однако эта модель, полагал автор, в условиях массовой самоорганизации рабочих и крестьян не была воплощена в жизнь: «Ожидая, когда уляжется народная стихия, против которой он был бессилён бороться вначале, он видел, что захват рабочими предприятий, промышленных и торговых, зашёл слишком далеко и фактически смёл начисто слабых русских капиталистов, промышленников и купцов. Рецепт уже не подходил. Пришлось его несколько видоизменить и вместо фашистского “социализма” и корпоративного государства, начать строить “государственный капитализм” со вкраплениями в разное время элементов, свойственных современному фашизму»⁵⁴.

Максимов считал Ленина основным ответственным за развязывание в стране полномасштабной Гражданской войны. По мнению анархистского теоретика, реальной альтернативой большевистской диктатуре и дальнейшему развитию гражданского противостояния могла стать коалиция социалистических партий, проводившая в жизнь радикальные преобразования при сохранении политических свобод: «Блок русских социалистов всех фракций, несомненно, или совсем устранил бы Гражданскую войну, так как поставил бы слабую

⁴⁹ Там же. Р. 25.

⁵⁰ Там же. Р. 34.

⁵¹ Там же. Р. 25—26.

⁵² Там же. Р. 27.

⁵³ Там же. Р. 59—60.

⁵⁴ Там же. Р. 61.

русскую буржуазию и военную клику в невозможные условия сопротивления, контрреволюционных элементов к разрозненным местным вспышкам, подавить которые не представляло бы большого труда... Ленин отверг предложение об образовании коалиционного социалистического правительства, т.е. сознательно шёл, не считаясь ни с чем, на Гражданскую войну не только с эксплуататорами, но и с “социалистической демократией”, с огромной массой рабочих и крестьян»⁵⁵.

Максимов уделил внимание и проявившимся в политической борьбе личностным качествам Владимира Ильича. Так, по мнению автора, лидер большевиков был абсолютно беспринципным политиком, склонным к обману и манипуляции массами трудящихся в собственных интересах. Аморализм Максимов определил в качестве наиболее яркой черты Ленина-политика: «Будучи в нравственном отношении человеком, руководящимся принципом “цель оправдывает средства”, Ленин, как до революции, в фракционных спорах и раздорах, так и во время революции, не отличался разборчивостью в средствах борьбы с противниками: клевета, ложь, обман, бесчестность, подкуп, провокация, грубая брань, сознательное извращение мыслей противника и пр[оч]., являлись его орудиями в борьбе за руководство в партии, в борьбе за власть в стране и за укрепление своей власти в ней»⁵⁶. Максимов немало строк посвятил и властолюбию Ленина, о чём свидетельствует отсутствующая в книге, но имевшаяся в рукописи «резкая» цитата: «До безумия снедаемый властолюбием, тщеславием и жадной играть крупнейшую роль в революции... Ленин, как алкоголик к водке, тянулся к власти. — К власти, нужно захватить власть во что бы то ни стало, чего бы это ни стоило, всякими путями и всякими средствами!»⁵⁷. Как яркий пример лицемерия вождя большевиков Максимов, как будто подтверждая прогноз Гордина, оценил отношение Ленина к смертной казни. Большевики за её восстановление критиковали Керенского, но придя к власти, они применяли её открыто и регулярно⁵⁸.

Книга Волина «Неизвестная революция» была издана уже после смерти автора — в 1947 г. В этой работе Ленин охарактеризован как руководитель партии большевиков, которому она была обязана своим успехом. В успехе он «едва ли не единственный» был уверен и «настаивал на подготовке восстания»⁵⁹. Ленину Волин приписывает и план восстания по инициативе Всероссийского съезда Советов, и руководство его подготовкой⁶⁰, хотя эта идея, скорее, принадлежала Троцкому. Также глава СНК оценивался как инициатор и единственный среди большевиков автор Брестского мира⁶¹. Волин в отличие от Максимова, называя личностные качества лидера большевиков и его соратников, указал, что это были «люди бесспорно искренние»⁶², верившие в свои идеи и следовавшие собственным убеждениям. Вместе с тем он утверждал, что вождь большевиков обладал мышлением настоящего диктатора, никогда не доверяя самостоятельным, стихийным действиям трудящихся. Доверие допускалось «лишь в том

⁵⁵ Там же. Р. 32—33.

⁵⁶ Там же. Р. 25.

⁵⁷ International Institute of Social History (IISH), Amsterdam. G.P. Maksimov Papers. F. 17.

⁵⁸ Maximoff G.P. The Guillotine at work. Vol. 1. P. 28, 50.

⁵⁹ Волин В.М. Неизвестная революция... С. 103.

⁶⁰ Там же. С. 104, 143.

⁶¹ Там же. С. 162.

⁶² Там же. С. 124.

случае, если ими управляли вожди и политики, хотя бы посредством формальных приказов и закулисных махинаций»⁶³. То же касалось и РСДРП(б), которая в 1917—1918 гг. постепенно превратилась в партию Ленина, фактически неотделимую от его позиций⁶⁴.

В то же время на вождя большевиков Волин возложил ответственность за ряд фатальных «ошибок», сказавшихся на судьбе революции. Во-первых, это касалось веры в быстрое распространение революции по всему миру, от чего напрямую зависел её исход в самой России. Во-вторых, отсутствовало ясное понимание уже наступившего в стране бюрократического «перерождения» революционных процессов⁶⁵. Тем не менее Волин утверждал, что Ленину не принадлежала заслуга в проведении социальных преобразований после Октябрьского переворота, поскольку тот знал заранее, что первые декреты советской власти «лишь узаконивали существующий порядок вещей»⁶⁶: захват земли крестьянами, установление рабочего контроля, массовое дезертирство солдат с фронта. На основателя Советского государства Волин, как и Максимов, возложил ответственность за последующие трансформации социально-экономического и политического строя в СССР. «Сталин и “сталинизм” — всего лишь логические последствия определённой эволюции, явившейся результатом ужасного заблуждения, гибельного отклонения Революции с её пути. Именно Ленин и Троцкий — то есть созданная ими система — подготовили почву для этого и взрастили Сталина»⁶⁷, — писал Волин.

Рассматривая в контексте истории Великой Российской революции фигуру Ленина, анархисты уже в 1917—1918 гг. сформировали к оценке его личности критический и апологетический подходы. Представители первого из них были оппозиционно настроены по отношению к РСДРП(б)/РКП(б). Они охарактеризовали политическую деятельность Ленина того времени как манипуляцию популярными лозунгами, направленную на обеспечение преобладающего влияния партии большевиков в массах и завоевание ею власти в стране. Второй подход, представленный «советскими анархистами», был связан с обоснованием близости идейной позиции Ленина основным принципам анархизма и неизбежности эволюции насаждавшейся большевиками политической системы анархического коммунизма. Последним его проявлением стали тексты, написанные анархистами, участвовавшими в кампании памяти Ленина в 1924 г.

Позиция антибольшевистского крыла анархистского движения, напротив, получила распространение в эмиграции, где в 1920—1930-х гг. оказались многие выдающиеся российские анархисты. В своих работах они сформулировали оценки (получившие затем распространение среди участников международного анархистского движения) деятельности и политической позиции Ленина, а также его личностным качествам. Прежде всего высказывалась мысль о диктатуре и борьбе за власть как об основных, определяющих мотивах политической деятельности большевистского лидера. В то же время эти публицисты указывали, что свои властные амбиции он подчинял цели — установлению тоталитарного централизованного государства, призванного воплотить в жизнь социализм в

---

⁶³ Там же. С. 162.

⁶⁴ Там же. С. 163.

⁶⁵ Там же. С. 129.

⁶⁶ Там же. С. 154.

⁶⁷ Там же. С. 237.

его авторитарном (марксистском) варианте. В первую очередь подобный режим Ленин установил в РСДРП(б)/РКП(б), фактически превращённой им в партию одного человека. Он использовал для достижения своей цели манипуляцию популярными революционными лозунгами, обратившись к некоторым поздним идеям Маркса. Придя к власти в России на волне массовых народных движений, большевики, действовавшие согласно намеченному Лениным политическому курсу, отказались от популярных лозунгов самоуправления трудящихся, огосударствили самоуправленческие организации и установили однопартийную диктатуру. Затем, по мнению Максимова и Волина, путём террора основатель Советского государства перешёл к укреплению данного режима.